

OKSANA MAŁYSA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5130-769X>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

О ФРАЗЕМАХ С ЖАНРОВО-КОММУНИКАТИВНЫМИ НАИМЕНОВАНИЯМИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

ON PHRASES WITH GENRE-COMMUNICATIVE NAMES IN RUSSIAN AND POLISH

The article examines Russian and Polish phrases, which encompass nominations of speech genres and other indicators of communicative phenomena, as well as related terms of speech and adjectives. Special attention is paid to the specifics of their functioning in Polish and Russian cultural space, including through the prism of genre consciousness of Poles and Russians. Reproducible word associations and precedent texts with genre-communicative names are analysed, taking into account their correlations with different types of speech activity and discourse types. Moreover, their stylistic and pragmatic determinants are indicated, as well as the metatextual character of some units containing genre references. Keywords: speech genre, phrase, discourse, genre consciousness, metatext

ВВЕДЕНИЕ

Одним из направлений современной лингвистики является изучение жанров с точки зрения металингвистических показателей. Согласно Стефании Скварчиньской, обращение к перспективе пользователя, к его лингвистической, коммуникативной и культурной компетенции приводит к «подражанию гению языка»¹. Такой подход позволяет показать традиции жанрового разнообразия речевого универсума, поскольку культурная специфика народов и эпох во многом проявляется в жанрах, отражающих характер использования языка, понимание его

¹ S. Skwarczyńska, *Geneza i rozwój rodzajów literackich* // D. Ostaszewska, R. Cudak (ред.), *Polska genologia literacka*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2007, с. 47–68.

природы и способов функционирования². Любовь Балашова обращает внимание на то, что жанры «представляют собой один из наиболее значимых механизмов не только стереотипизации и конвенционализации любого вида коммуникации, но и концептуализации мира, формирования языковой картины мира»³. В это русло вписывается выдвинутое Ежи Бартминьским предложение рассматривать речевые жанры в аспекте ономаσιологических основ их номинаций, коннотативных схем глаголов говорения и общения, актуальных лексикографических дефиниций⁴.

Наименования речевых жанров и соотносимых с ними базовых глаголов, а также ценностные ориентиры, которые обуславливают речевой жанр и обозначают конститутивные признаки его коммуникативного концепта, отражаются в языке среди прочего в ряде воспроизводимых элементов разных уровней — фраземах⁵. К ним принадлежат как односоставные вы-

² А. В. Карабыков, *Система социальных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н.э.*, „Вестник Томского государственного университета. Филология” 2010, № 3(11), с. 26.

³ Л. В. Балашова, *Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты)*, «Жанры речи» 2017, № 1(15), с. 7. Автор детально рассматривает идиоматические единицы в коммуникативном ракурсе, что послужило методологической основой также для нашего анализа.

⁴ J. Bartmiński, *Jak opisywać gatunki mowy?* // A. Burzyńska-Kamieniecka (ред.), *Język a Kultura*. Tom 23. *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2012, с. 20.

⁵ Войцех Хлебда, который ввел в польское языкознание термин *frazem* (фразема), впоследствии предложил использовать другое название по отношению к единицам такого рода — *reprodukt* (репродукт). По мнению исследователя, данный термин однозначно указывает на его применение по отношению не только к воспроизводимым выражениям, состоящим из нескольких единиц, но также к однословным, к примеру *Czujaj!* — См. в частности W. Chlebda, *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Oficyna Wydawnicza Leksem, Łask 2003; W. Chlebda, *Idiomatykon 4. Gdzie jesteśmy, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy)* // W. Chlebda (ред.), *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski. Zeszyt 4*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2009, с. 25; W. Chlebda, *Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrazowych* // W. Chlebda (ред.), *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2010, с. 15–35. В свою очередь, Анджей Марья Левицки, учитывая, также как и В. Хлебда, фактор адресанта при изучении репродуцируемых единиц, подчеркивает, что прагмалингвистический подход к анализу коммуникации снимает вопрос об использовании понятий идиомы, фраземы, эмпирической сочетаемости

сказывания, репродуцируемые в определенных ситуациях для выражения типичных потенциальных смыслов, так и идиомы, коллокации, составные термины, клишированные образования, устойчивые сравнения⁶, устойчивые синтаксические конструкции (в другой терминологии — предложения фразеологизированной структуры), в которых варьируются отдельные лексические элементы⁷. Фраземы охватывают также формулы речевого этикета, жанровые формулы и другие прецедентные высказывания (пословицы, поговорки, слоганы, цитаты из текстов различного характера)⁸, т.е. репродукты как законченные и самодостаточные единицы с предикацией или без нее, сложные знаки, смысл которых всегда шире входящих в них компонентов⁹. Отмечается, что фразематические средства объ-

---

и инварианта, а востребованными становятся только два основных понятийных класса — 1) стереотипы, словосочетания, восстанавливаемые по памяти и 2) конструкции, словосочетания, создаваемые в процессе синтеза, см.: А. М. Lewicki, *Studia z teorii frazeologii*, Oficyna Wydawnicza Leksem, Łask 2003, с. 30. В настоящей статье будем применять прежде всего термин *фразема* как уже закрепленный лингвистической традицией в исследованиях рассматриваемых языков в том понимании, которое представлено нами в основной части статьи.

⁶ Под устойчивыми сравнениями понимаются разложимые на значимые элементы языковые единицы, которые определяют целостное компаративно-образное значение, к примеру: *как сквозь сон*. См.: В. М. Огольцев, *Словарь устойчивых сравнений русского языка*, АСТ, Русские словари, Астрель, Москва 2001.

⁷ Анатолий Баранов и Дмитрий Добровольский отмечают, что устойчивые синтаксические конструкции представляют собой „шаблоны с «пустыми местами», которые заполняются в зависимости от контекста и коммуникативного намерения автора, например, *X — он и в Африке X*”. См.: А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, *Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы-конструкции)*, „Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание” 2023, № 3, с. 131. Предложениями фразеологизированной структуры называются конструкции такого рода в терминологии Аллы Величко, см.: А. В. Величко, *Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование*, МАКС Пресс, Москва 2016.

⁸ Данный список фразем основывается на перечне Хлебды, см.: W. Chlebda, *Elementy frazematyki...*, с. 12, 256–257.

⁹ Т. Б. Радбиль, *Основы изучения языкового менталитета*, „Флинта”, «Наука», Москва, 2010, с. 300. Хлебда обращает внимание на то, что воспроизводимость репродуктов не обозначает механического копирования устоявшихся фраз, так как может быть обусловлена разными ситуативными контекстами, см.: W. Chlebda, *Nieautomatyczne drogi dochodzenia do re-produktów...*, с. 17–18.

ективации концептуальных признаков позволяют выявить непосредственную связь жанра и языка¹⁰.

В настоящей статье рассмотрим избранные русские и польские фраземы, в состав которых входят номинации речевых жанров и иных показателей коммуникативных явлений, а также связанные с ними *verba dicendi* и прилагательные. Воспроизводимые выражения и прецедентные тексты с жанрово-коммуникативными наименованиями проанализируем с учетом их корреляций с разными видами речевой деятельности и типами дискурса. Кроме того, обратим внимание на их стилистические и лингвопрагматические показатели, специфику их функционирования сквозь призму жанрового сознания поляков и россиян, а также на метатекстовый характер некоторых единиц с жанровыми соотношениями.

Примеры, отдельные из которых проиллюстрируем цитатами, были почерпнуты из лексикографических источников¹¹, национальных корпусов русского и польского языков¹², а также из записей устной речи в обыденном общении, публицистических текстов и художественных произведений, что предопределяется частотностью фразематических элементов в этих коммуникативных областях.

ФРАЗЕМООБРАЗУЮЩИЕ СВЯЗИ ПОНЯТИЙ ИЗ ОБЛАСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Лингвистический поворот привел к актуализации ряда понятий из области коммуникативных явлений, что позволяет выявить как их фраземообразующие связи, так и некоторые соотношения с жанрами.

¹⁰ Е. Н. Горбачева, *Речевой жанр «пару» / «betting»: дискурсивные и лингвокультурные характеристики* // В. В. Дементьев (ред.), *Жанры речи*, вып. 6, *Жанр и язык*, Издательский центр «Наука», Саратов 2009: 317–329.

¹¹ Среди прочего мы пользовались такими источниками, как *Polsko-rosyjski tezaurus konstant kulturowych*, W. Chlebda, W. M. Mokijenko, S. G. Szuleżkova, *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*, Oficyna Wydawnicza Leksem, Łask 2003; W. Zmarzer, J. Lukszyn (ред.), *Instytut Rusycystyki UW, Katedra Języków Specjalistycznych UW*, Warszawa 2007; E. Białek, *Kolokacja w przekładzie. Słownik rosyjsko-polski*, Wydawnictwo UMCS, Lublin, 2011; A. Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz, *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, 2022.

¹² *Национальный корпус русского языка*, <https://ruscorpora.ru/>; *Narodowy Korpus Języka Polskie*, [go https://nkjp.pl/](https://nkjp.pl/).

В последнее время широкое распространение, в том числе за пределами научной среды, получил термин *дискурс* (польск. *dyskurs*). В польском языке в предыдущие исторические эпохи слово *dyskurs* использовалось, в частности, как обозначение положительно оцениваемой беседы, состоящей в оживленном обмене мнениями или многогранном обсуждении какого-либо вопроса¹³. Теперь это значение данного термина воспринимается в качестве эрудического синонима¹⁴ жанровых номинаций *rozmowa*¹⁵, *dyskusja*, *debata*, *spór* в сочетаниях с прилагательными, существительными и глаголами: *poważny*, *uczony*, *ostrzy dyskurs*; *dyskurs z autorem*, *dyskurs na temat czegoś*; *uczestniczyć w dyskursie*, *prowadzić / toczyć dyskurs* (*Dyskurs na sali sądowej nie toczy się swobodnie i spontanicznie, jeśli chodzi o jego temat; Jak na ostrzy dyskurs, który toczy się publicznie, i zarzuty, jakie padają — sytuacja w sondażach jest nad wyraz stabilna*¹⁶), *wdać się w (niepotrzebny) dyskurs* — с оттенком иронии. В свою очередь, в русском коммуникативном пространстве термин *дискурс*, характерный раньше для языка дипломатии, в настоящее время приводится среди прочего в значении 'диспут, прения, спор'. Во фразематике отмечается выражение *завести дискурс* (*Ну, а мы, моряки, без карт обходились, а завели дискурс и, как сейчас помню, о чем у нас была речь: о книге, которая тогда вышла, под заглавием «Изнанка Крымской войны»*¹⁷), теперь фиксируемое в словарях как устаревшее и книжное. К новым сочетаниям

¹³ M. Czyżewski, *Dyskurs* (hasło) // *Encyklopedia socjologii*, t. Suplement, Oficyna Naukowa, Warszawa 2005, с. 50.

¹⁴ Термин *erudycyjny synonim* предлагает Катажина Клозиньска, см. К. Клозиньска, *Dyskusja czy dyskurs? Poradnia języka polskiego*, <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/Dyskusja-czy-dyskurs;18727.html> (03.01.2025).

¹⁵ *Wielki słownik języka polskiego* (red. P. Źmigrodzki) термин *dyskurs* приводит с пометой *книжное* и толкует как 'uporządkowana rozmowa o czymś poważnym', <https://wsjp.pl/haslo/podglad/38151/dyskurs/4060849/rozmowa> (25.11.2024).

¹⁶ T. Gizbert-Studnicki, *Postępowanie sądowe jako złożony dyskurs — zagadnienia pragmatyki języka sali sądowej*, <https://rjp.pan.pl/konferencje-i-dyskusje-na-ukowe/1376-postpowanie-sdowe-jako-zoony-dyskurs-zagadnienia-pragmatyki-zyka-sali-sdowej-prof-tomasz-gizbert-studnicki> (03.02.2025); Z. Dąbrowska, *Berło trzyma Donald Tusk*, *Rzeczpospolita*, 27.10.2022, <https://dziennikrzeczpospolita/posts/jak-na-ostry-dyskurs-ktory-toczy-sie-publicznie-i-zarzuty-jakie-padaja-sytuacja-/8364392450268417/> (03.02.2025).

¹⁷ *Словарь синонимов русского языка*, <https://sinonim.org/t/>. Пример из: Н. Лесков, *Бесстыдник*, 1869, <https://www.litres.ru/book/nikolay-leskov/bes-stydnik-175223/> (10.12.2024).

относится *рукопожатный дискурс*, что обозначает взаимоуважение представителей сходных идеологических позиций. В качестве примера приведем, однако, критическую оценку данного типа взаимоотношений: *Она [нетерпимость] сводит на «нет» любые достоинства. Этим, собственно, отвратителен рукопожатный дискурс, он нетерпимость культивирует*¹⁸.

К другому модному термину, вышедшему из научной речи в язык массмедиа и повседневного общения, принадлежит *нарратив* (польск. *narracja*). В трактовке универсальной категории культуры он встречается в академических текстах на русском языке в сочетаниях с прилагательными: *исторический / новый / художественный / литературный / устный нарратив* и др. Подход к нарративу как к повествованию, коммуникативная цель которого заключается в том, чтобы «произвести впечатление, убедить в чем-то, поэтому речь приукрашивается, и ей придается большая эмоциональная окраска»¹⁹, позволяет считать его в этом плане синонимом сказки и пропаганды²⁰. В таком аспекте становятся востребованы словосочетания разного типа, характерные для публицистики и проявляющие тенденцию к репродуцируемости, к примеру, *личный нарратив, нарративное ожидание, поменять / распространять нарратив*. В польском языке термин *narracja* часто входит в сочетаемость с глаголами тоже в одном из значений — ‘określony, subiektywny sposób przedstawienia rzeczywistości w tekstach rozpowszechnionych przez jakąś osobę, grupę lub

¹⁸ Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика: словарь, А.В. Щетинина (ред.), Ажур, Екатеринбург 2024, с. 355–356. Пример из: А. Тимофеевский, *Книжка-подушка*, <https://litmir.org/books/dokumentalnye-knigi/publicism/page-71-297330-knizhka-podushka-aleksandr-pavlovich-timofeevskii.html> (30.11. 2024).

¹⁹ О.А. Обдалова, З.Н. Левашкина, *Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности*. «Язык и культура» 2019, № 48, с. 339, <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-narrativ-kak-fenomen-kultury-i-obekt-diskursivnoy-deyatelnosti/viewer> (05.01.2025). Исследователи предлагают следующее понимание термина *нарратив* в лингвистике: «самостоятельно созданное повествование, монтаж событийного ряда, при помощи которого репрезентируется социо-культурный опыт субъекта деятельности в виде последовательности слов или образов», с. 340.

²⁰ В. Вахштайн, *Власть нарратива. Как истории о прошлом заставляют видеть настоящее и будущее*, allenby-19-63302-tel-aviv-israel/sold-out-vвахштайнвласть-нарратива-как-истории-о-прошлом-заставляют-видеть-насто/451681037787873/ (05.01.2025).

ugrupowanie polityczne²¹. Оно определяется как книжное и связывается с политической сферой, ср. *tworzyć narrację* (PiS *gra powodzią i tworzy narrację o alternatywnym państwie*), *narzucać* (własną / swoją) *narrację* („Donald Tusk nauczył się narzucać swoją narrację”), *kontrolować narrację*. Кроме того, термин *narracja* проникает в польскую повседневную речь, называя стиль общения, поведения, жизни и проецируя понимание жизни человека в категориях присущей ей повествовательной целостности, ср.: *zmienić narrację* (*Zawsze w swoim życiu możesz zmienić narrację i zacząć na nowo*).

Как термин *дискурс*, так и *нарратив* коррелируют с терминами *контекст* и *текст*. Если речь идет о фраземах, в которых задействовано слово *контекст*, польск. *kontekst*, в обоих языках они соотносятся с оценкой высказывания — *вырвать* (слово, фразу) *из контекста*, *wyrwać* (słowo) *z kontekstu*. В русском языке сочетания *выпадать / выпасть из контекста*, *выпавший из контекста* связаны с характеристикой события, явления, ситуации, человека: *У меня не было общего представления о балетах, которые мы разучивали, так что мой танец часто выпадал из контекста*²²; *А человек, по выражению югославского сценариста и режиссера Душана Маковеева, «выпадает из контекста» реально, во времени настоящем*²³. В польском языке *wyrwany / wyjęty z kontekstu* приводится в значении свойства лица с пометой шутовское — ‘taki, który okresowo utracił możliwość orientacji w świecie zewnętrznym lub możliwość normalnego działania’ (*Znam to uczucie, gdy kiedyś napaliliśmy się trawą z Kaczorem i chodziliśmy wyjęci z kontekstu po naszym osiedlu [...]*²⁴).

Во фразематике обоих рассматриваемых нами языков обнаруживаются устойчивые сочетания с гиперонимом *текст* (*tekst*), указывающие на искреннее, откровенное высказывание: в русском — *прямым текстом*, *открытым текстом*, в польском — *otwartym tekstem*. Интересно, что в польской разговорной речи слово *tekst* выступает также в идиомах с пейоративной оценкой

²¹ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/36826/narracja> (10.01.2025).

²² Х. Альджеранов, *Десять лет из жизни звезды русского балета*, <https://readli.net/chitatat-online/?b=914340&> (08.12.2024).

²³ Н. Крышук, *Выпавшие из контекста*, «Звезда» 2019, № 3, <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/3/vypavshie-iz-konteksta.htm> (10.12.2024).

²⁴ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/89009/wyjety-z-kontekstu>. Дефиниция иллюстрируется, в частности, цитатой из К. Varga, *Chłopaki nie płaczą*, Lampa i Iskra Boża, Warszawa 1996.

неуместности сказанного — *co to za teksty, nie do mnie z takimi tekstami* и часто с инструментальной трактовкой понятия *tekst*, связанной с физическими действиями — *wyskoczyć z jakimś (głupim) tekstem, daruj sobie takie teksty*, в том числе агрессивными силовыми: *walić takie teksty, rzucać teksty, zabijać tekstami*.

Как и стиль, текст есть там, где есть жанр — по словам Михаила Бахтина, «мы говорим только определенными речевыми жанрами»²⁵. Родовое понятие *жанр* как осмысление типических форм построения целого в русской фразематике представлено афоризмом Вольтера *Все жанры хороши, кроме скучного* и рядом устойчивых сочетаний: *по (лучшим, всем) законам жанра, по закону жанра*, а также *не наш жанр / жанр не наш* как иносказательное толкование манеры, системы, вкуса, моды, образа²⁶, указание на специфику того или иного речевого вида творчества или деятельности (ср. *Всевозможные миры, где эльфы и вампиры живут бок о бок с людьми — это не наш жанр*²⁷). Кроме того, широко известна фраза *классика жанра*, употребляемая в трех значениях: 1) как образцовых, наиболее характерных произведений, задающих стандарты в определенном жанре искусства, литературы, кино; 2) с ироническим оттенком в разговорной речи как обозначение чего-то предсказуемого, известного²⁸; 3) как указание на высокую распознаваемость какого-либо продукта, используемое для положительной оценки. Охват значения подобного выражения в польском языке — *klasyka gatunku* — совпадает с русским. Репродуктивным характером в кругу номинаций, связанных с жанром, обладает в польской лингвокультуре также фраза *ciężar gatunkowy* ‘ważność, duże znaczenie czegoś’.

ФРАЗЕМЫ В АСПЕКТЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЖАНРОВ ПО ИНТЕНЦИОНАЛЬНОМУ ПРИЗНАКУ

Рассмотрим здесь некоторые фраземы, которые представим в аспекте жанровой типологии, учитывающей интенцию и функцию текста как целого и сходной с классификацией речевых актов.

²⁵ М. М. Бахтин, *Проблема речевых жанров* // Его же, *Эстетика словесного творчества*, Искусство, Москва 1986, с. 271.

²⁶ *Толково-фразеологический словарь Михельсона*, <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/2841-жанр> (15.01.2025).

²⁷ *Магический реализм*, https://posmotre.ch/Магический_реализм (15.01.2025).

²⁸ *Словарь синонимов русского языка*, <https://sinonim.org/t/классика%20жанра> (15.01.2025).

Среди жанрово-коммуникативных явлений с широким семантическим охватом выделяется разговор, польск. *rozmowa*. На основании прагмалингвистического подхода он входит в число репрезентативных жанров с доминирующей информативной функцией. В русском языке номинация этого универсального жанра представлена в таких фразематических конструкциях, как (совсем) *другой разговор, серьезный / трудный / неприятный / пустопорожний разговор, разговор исключительной важности, без лишних разговоров, в польском — to już inna rozmowa, poważna / nieprzyjemna rozmowa, rozmowu w toku* и др. Часть из них называет субжанры, которые указывают на межличностную близость или отдаленность участников общения (*разговор на равных, разговор по душам, задушевный / откровенный разговор, разговор не клеится и rozmowa od serca, szczerą rozmowa, rozmowa się nie klei*), гендерное разграничение (*мужской разговор, (не) женский разговор и męska rozmowa, (nie) babska rozmowa*), конфиденциальность (*разговор с глаза на глаз, это не телефонный разговор и rozmowa w cztery oczy, rozmowa nie na telefon*), пространственные характеристики с тематической коннотацией (в русской лингвокультуре — *кухонный разговор* как свободное высказывание мыслей), темпоральные и субъектные показатели (*długa rozmowa Polaków rozmowa* — в польской среде). Отдельные фразы, в которых используется ссылка на жанровые показатели, в том числе диминутивные формы, выступают как показатели рубрикации общения, к примеру, иницирующие взаимодействие (*У меня (к тебе) разговор есть, Разговорчик есть — Musimy porozmawiać*), настаивающие на его финализации (*Разговор закончен, Вот и весь разговор — Koniec rozmowy, Skończyłem rozmowę*) либо подытоживающие его как несостоявшееся (*Разговора не получилось, Разговор не состоялся — Rozmowa nie doszła do skutku*). Некоторые фраземы, включающие разговорные обозначения рассматриваемого здесь жанра (*болтовня, gadka szmatka, gadanina, pogaduszki*), отличаются ярким эмоционально-оценочным характером: *пустая болтовня, co to za gadki szmatki, czcza gadanina, babskie pogaduszki*. В русском обиходе используются также фразы, в состав которых входят названия разговора, беседы, спора, обсуждения, вошедшие из жаргона, например, *базар: кончай базар, развести базар-вокзал, о чем базар?*. Паремиологический план позволяет вы-

явить отношение к разговору в русской культуре как к бесцельному и безрезультатному действию, ср.: *Сколько ни говорить, а с разговору сытым не быть*. В польских пословицах обращается внимание на оценку разговора и его диалогическую основу: *Głupia rozmowa niewarta słowa, Lepsza rozmowa, gdy nie czczya głowa, Słowo do słowa, zrobi się rozmowa*.

Отметим, что характерный для русской среды жанр *беседа* как тип разговора, направляющий коммуникацию в дружеское, бесконфликтное, непринужденное русло, находит свое фразематическое отражение в виде интертекстуальных ссылок на стереотипные высказывания из информационных заметок типа *Беседа прошла в теплой и дружественной обстановке*. К примеру, это может переигрываться с помощью приема парцелляции²⁹. *Ну что, можно считать, что беседа прошла. В теплой и дружественной обстановке*. По поводу затянувшейся пирушки шуточно говорят: *Дружеская беседа затянулась далеко за полночь*. Особенности беседы как социально-коммуникативного типа речи выражают пословицы *Без соли, без хлеба худая беседа, Без обеда не красна беседа, Беседа дорогу коротает, а песня — работу*.

Отдельно отметим название поджанра *светская беседа* (*светский разговор*), которое указывает на соотнесение с некой привилегированностью участников этого вида общения, на его утонченную, интересную с точки зрения коммуникантов тематическую направленность и продуманность текстовой реализации³⁰. Здесь можно провести параллель с польским типом разговора — *rozmowa towarzyska*, называемым *konwersacja*, — который Александр Вильконь включает в жанр культуры и определяет как старательную речь, создающую развернутый код³¹. В словаре польского языка приводятся следующие компоненты сочетаемости с наименованием *konwersacja*: определения в категориях эстетической оценки и жанрового уточнения — *miła / uprzejma / lekka / ożywiona / błyskotliwa / salonowa / towarzyska*; названия разных фаз речевых действий — *przerwać / rozpocząć / prowadzić / podtrzymywać*; ссылка на особенности этого типа текста как требующего культурной осведомленности и определен-

²⁹ Явлению парцелляции посвящена монография А. Stasienko, *Zjawisko parcelacji we współczesnym języku rosyjskim i polskim*, Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, Rzeszów 2024.

³⁰ В. Дементьев, *Теория речевых жанров*, Знак, Москва 2010, с. 357–360.

³¹ А. Wilkoń, *Spójność i struktura tekstu*, Universitas, Kraków 2002, с. 228–235.

ных риторических умений — *sztuka konwersacji*³². Наряду с этим в настоящее время в польской обыденной речи наблюдается приравнивание данного жанра к обычному разговору, подтверждением чему может быть дефиниция из словаря сленга: *konwersacja* — ‘inaczej rozmowa, ciekawa wymiana zdań, może też służyć jako zachęta do rozmowy w komunikatorach internetowych’, которая иллюстрируется таким примером разговорного диалога: — *Po-konwersujemy?* — *Spoko*³³. Такой сдвиг в восприятии жанра можно считать семантическим убеждением лиц в принадлежности к более образованному классу, но в некоторых случаях он может также свидетельствовать об ироническом отношении говорящего к жанровой реализации формы общения.

Своеобразие жанрового сознания поляков и русских проявляется на уровне восприятия сходных типов речевого поведения. Так, в польской разговорной речи отмечается востребованность фраз с номинацией *dyskusja* и ее производными, например, *kwestia dyskusyjna*, *kawiarniana dyskusja* ‘wymiana zdań w swobodnej atmosferze’. Одни из них оформляются как рубрикаторы коммуникативной деятельности, в том числе категоричные — *musimy przedyskutować sprawę, nie chcę wdawać się (w niepotrzebną) dyskusję, tu nie ma żadnej dyskusji, nie ma nad czym dyskutować, koniec dyskusji, to (nie) podlega dyskusji*. Другие обладают игровым началом, как эвфемистическое выражение *o urodzie dyskusyjnej* по отношению к не очень красивому человеку или *postać dyskusyjna* как обозначение человека, характер или поведение которого могут вызывать сомнение у окружающих. По всей вероятности, обращение к наименованию жанра *dyskusja* предопределяется тем, что в польском речевом пространстве этот жанр реализуется и как форма повседневного общения³⁴, придавая, подобно конструкциям с наименованиями *konwersacja*, *narracja*, *dyskurs*, более высокий статус говорящему и повышая интеллектуализацию разговорного языка. В свою очередь, в русской речи жанр *дискуссия* закреплён прежде всего за публич-

³² *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/37076/konwersacja/4419050/towarzyska> (14.12.2024).

³³ *Miejski słownik slangu i mowy potocznej*, <https://www.miejski.pl/slowo-konwersacja> (11.12.2024).

³⁴ М. Заško-Зielińska, *Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2002, с. 26.

ными выступлениями, к примеру, научными или деловыми, ср. выражение *развернулась дискуссия, панельная дискуссия* (польск. *dyskusja panelowa / panel dyskusyjny*), калькированное из английского языка — *panel discussion*, а также сочетания *бурная / жаркая / ожесточенная / острая дискуссия*, зафиксированные в *Словаре русской идиоматики*³⁵. В коммуникативных разговорных контекстах, подобных тем, в которых используются приведенные польские примеры, в русской среде применяются конструкции, соотносимые с реализациями двух иных жанров³⁶. С одной стороны, в них встречаются наименования *разговор / базар: без (всякого) разговора / без (всяких) разговоров, кончай базар*. Отметим при этом, что дискуссия предполагает равноправную ангажированность всех участников коммуникации, а разговор не всегда обладает такими качествами, что подтверждает хотя бы фраза с уточнением — *разговор на равных*. С другой стороны, там, где в польской повседневной речи наблюдается обращение к жанру *dyskusja*, аналогичные коммуникативные ситуации в русской лингвокультуре воспринимаются в категориях спора: *без (всякого) спора, тут не о чем спорить, давай без спора, кончай пустой спор, кончай спорить*. Не случайно в польской и русской кальках латинского афоризма *De gustibus non est disputandum* использованы разные глаголы речевых действий: *О вкусах не спорят — О gustach się nie dyskutuje*.

Широкое отражение во фразематике нашла обязательственность, вписанная в жизнедеятельность каждого общества. По утверждению Жака Деррида, в основе отношений между людьми лежит закон обещания³⁷, что может обуславливать распространенность многочисленных фразем с названиями комиссивных жанров вместе с их словообразовательными дериватами. В русском языке это обещание — *обещать с три короба, кормить обещаниями, пустые обещания, обещать не значит жениться, не можешь сделать, хоть пообещай, обещаниями сыт не*

³⁵ *Словарь русской идиоматики*, <https://rus-idiomatika-dict.slovaronline.com/search?s> (21.01.2025).

³⁶ Появление в русской разговорной речи наименования *дискуссия* в качестве реализуемого жанра общения свидетельствует об иронической тональности высказывания, ср. *Так. Дискуссия у нас тут началась. Придется приглашать профессоров-пенсионеров* (запись разговорной речи).

³⁷ J. Derrida, *Psyche. Odkrywanie innego*, пер. М. Р. Markowski // R. Nycz (ред.), *Postmodernizm. Antologia przekładów*, Wydawnictwo Baran i Suszyński, Kraków 1997, с. 88 (81–107).

*будешь, сыт по горло твоими обещаниями; зарок — от сумы и тюрьмы не зарекайся; слово — честное слово, чесслово, слово пацана, Давши слово, держись, а не давши крепись!; клятва — Аннибалова клятва, клятва Гиппократа; сделка — сделка с совестью, сделка с дьяволом; уговор — уговор дорожке денег, как по уговору; договор — договор по умолчанию, неписанный договор, договор дорожке денег, договор есть договор. Используемое как разговорное название жанра обещания слово посул преломляется во фраземах *пустые посулы, сулить золотые (золотые) горы и на посуле, что (как) на стуле: посидишь, да и встанешь*. В польском языке комиссивность представлена устойчивыми единицами, соотносимыми с такими жанрами, как *obietnica — obiecanki-cacanki (a głupiemu radość), puste obietnice (słowa), obiecywać gwiazdkę z nieba / złote góry / gruszki na wierzbie, obietnice bez pokrycia; ślub — składać ślub; pakt — pakt z diabłem; zмова — zмова milczenia; umowa — umowa stoi, umowa śmieciowa, niepisana umowa, dżентельмеńska umowa, nici z umowy; słowo — słowo, słowo harcerza, słowo honoru, słowo droższe od pieniędzy, być po słowie (złożyć obietnicę małżeństwa)* и др.*

В вербо-номинальных фразеологизированных сочетаниях с жанровыми наименованиями комиссивов проявляется предположение передачи „адресату некоего нематериального объекта — слова, которое рассматривается как залог того, что сказанное будет обязательно выполнено, хотя степень обязательности и, следовательно, возможность невыполнения обещания в разных случаях разные”³⁸. Перечислим здесь отдельные выражения, в которых на первый план выходит позиция говорящего: *русские брать / принимать на себя обязательства, дать слово (клятву, обещание, обет) — кому-то или самому себе, сдержать слово, выполнить обещание, забрать назад слово, нарушить клятву*, а также жаргонный молодежный оборот *отвечать за базар* в значении ‘нести ответственность за свои слова’³⁹ (ср. высказывание из детектива Бориса Акунина *Алтын-толобас: — Вы, Леонид Робертович, лицензию обещали? Обещали. Бабки скушали? Скушали. Отвечайте за базар, или*

³⁸ Ю.Д. Апресян (ред.), *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, Языки славянской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, Москва–Вена 2004, с. 687.

³⁹ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Большой словарь русских поговорок*, Олма Медиа Групп, Москва 2007, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/11269/Отвечать> (20.12.2024).

же, выражаясь интеллигентно, исполняйте взятые на себя обязательства⁴⁰). Из польских приведем такие фраземы с установкой на отправителя информации, как *składać obietnicę (przysięgę)*, *dać słowo* — либо кому-то, либо самому себе, *dotrzymać słowa, przyjąć na siebie zobowiązanie, wycofać się z obietnicy, złać przysięgę* и т.п. Ряд устойчивых словосочетаний отражает позицию адресата, к примеру: *взять с кого-то обещание (слово, клятву)*, *связать кого-то словом, держать за слово, возвращать слово, освобождать от слова, разрешать от обещания, получить обещание, принимать присягу* и *otrzymać obietnicę, związać kogoś obietnicą, brać kogoś za słowo, trzymać kogoś za słowo, mieć na coś czyjeś słowo, zwrócić słowo, zwalniać z obietnicy, odebrać przysięgę*. Взаимные обязательства фиксируются в русских конструкциях *заключать / предлагать / держать пари, биться об заклад, заключить / отменить / аннулировать договор, выйти из договора*, а также в польских — *iść o zakład, zawrzeć / rozwiązać / zerwać umowę* и др.⁴¹

Область этикета — рассматриваемая в теории речевых актов как экспрессивы и директивы, а в жанровом ракурсе как экспрессивные, директивные либо контактивные тексты — представляют фразы с наименованиями разных жанров — просьбы, благодарности, приветствия, извинения, похвалы, пожелания и др. Здесь приведем только некоторые из них ввиду их подробного исследования прежде всего в работах из области прагматической лингвистики.

К ним относятся, к примеру, русские устойчивые конструкции — *Христом богом прошу* как собственно экспрессивная просьба в просторечии, категоричная просьба *Прошу честью*, устаревшая вежливая фраза *Прошу покорнейше*⁴². Указание на просьбу отмечается в речевых формулах представления (*прошу любить и жаловать*) и приглашения (*милости просим (прошу)*), *милости прошу к нашему шалашу*). Метафорическое ос-

⁴⁰ Б. Акунин, *Алтын-толобас*, Олма-Пресс, Санкт-Петербург–Москва 2001, <https://www.akunin.ru/knigi/fandorin/nikolas/altyn-tolobas/glava9/> (20.12.2024).

⁴¹ См. об этом подробнее: О. Małysa, *Коммиссивные речевые акты. Сопоставительный русско-польский аспект*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2014.

⁴² На материале русского языка этикетные формулы широко представлены в издании: А. Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Астрель, АСТ, Транзиткнига, Москва 2004. Отдельные примеры в этой части нашей работы почерпнуты из этого словаря.

мысление жанра наблюдается во фразеологизмах в *ruki prosit*ся, *prosi*тся на язык, (*botinki*) *est*ь *prosi*ят. В польском языке функционируют среди прочих такие устойчивые единицы с разными стилистическими оттенками — вежливости (*proszę państwa (pani, pana)*), подшучивания (*na własną prośbę* в одном из значений — *‘z własnej winy’*), иронии или сарказма (*no / a tu proszę; proszę, proszę* как выражения в разговорной речи в значении *‘zaskoczenie z jakiegoś powodu’*).

Благодарность с номинативной ссылкой на нее реализуется в русском языке с использованием названий *благодарение* и *благодарность*, глагола *благодарить*, прилагательного *благодарный* в выражениях различной стилевой принадлежности — от высокого стиля (*Примите наши благодарения*), эпистолярного (*Благодарный Вам*), официального (*Позвольте поблагодарить Вас*), разговорного (*Благодарение Богу, Какие могут быть благодарности!*), до просторечия (*(Покорно) благодарствую*). Кроме непосредственной благодарности, ряд фразем этого круга употребляется в иносказательном плане, например, в качестве упрека — *Благодарю, не ожидал* ‘не ожидал такого сюрприза’, *Покорно благодарю* — как отказ от какого-либо предложения. В польской культуре также наблюдается частеречная и стилистическая дифференциация фразематических конструкций, их разная эмоциональная нагруженность, ср. выражение *składać podziękowanie* из официальной речи, *dziękuję, postoję* в обыденном общении — ‘stanowcza forma zaprzeczenia, że propozycja lub inna sprawa, o której była mowa poprzednio, jest dla mówiącego niemożliwa do zaakceptowania’⁴³. Интенсификация благодарности проявляется в формулировке *nie wiem, jak (komuś) dziękować* — ‘ktoś wyraża ogromną wdzięczność za coś’, а эмоциональные показатели свойственны фразам *dziękować Bogu, że ..., dzięki (Panu) Bogu* — ‘mówiący wie, że tak jest, jak mówi, chociaż mogło tak nie być i uważa, że nie byłoby dobrze, gdyby tak nie było’⁴⁴, (*dziękuję*), *nie tam więcej pytań* (‘szydlerczy podziw’)⁴⁵.

Из устойчивых выражений, связанных с номинацией жанра *извинение*, приведем разностилевые фраземы из лексикона русского языка. К ним относятся разговорно-поэтические выраже-

⁴³ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/36308/dziekuje-postoje> (24.01.2025).

⁴⁴ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/21665/dzieki-bogu> (24.01.2025).

⁴⁵ <https://www.miejski.pl/slowo-Nie+mam+więcej+pytań> (24.01.2025).

ния *прости-прощай*, сказать последнее *прости*, просторечная пренебрежительная фраза *извини-подвинься* со значением решительного несогласия или отказа⁴⁶, неологизмы из массмедиа *водолазка извинений* / *черная водолазка извинений* / *водолазка для извинений* / *извинительная водолазка* — со значением 'ироничное название ситуации, в которой звезды приносят публичные извинения за какой-то проступок в черной водолазке'⁴⁷. Из польских устойчивых сочетаний отметим разговорные репродукты с негативной оценкой ситуации *nie ma przebaczyć* в значении 'czegoś, co mówiący ocenia jako niekorzystne pod jakimś względem, nie da się uniknąć i coś trzeba zrobić lub doświadczyć tego, ponieważ nikt nie okazuje litości osobie, której to dotyczy'⁴⁸, *za (z) przeproszeniem* 'уżywane, gdy mówimy o czymś, co może być dla rozmówcy nieprzyjemne lub w sposób, który może być uznany za nieprzyjemny'⁴⁹.

ФРАЗЕМАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Фразематические единицы, в которых выступают жанровые наименования, в обоих рассматриваемых языках соотносятся также с различными типами дискурсивных практик. Так, декларативные и директивные жанры, связанные с правовым и юридическим дискурсом, представлены в таких репродуктах русского языка, как *свидетельствовать в пользу*, *устраивать допрос (с пристрастием)*, *работать как приговоренный*, *ходить под статью* ('чувствовать риск уголовного или административного наказания'), *по всем статьям* (разг.) 'по всем качествам, свойствам или признакам', *не указ (ты мне не указ)* 'кто-то не имеющий значения, авторитета'.

К самой многочисленной относится группа с жанровой номинацией *закон*, в которую входят пословицы: *Нужда закона не знает*, *Закон — дышло, куда повернул, туда и вышло*, *Законы святы, да судьи супостаты*, *Закон — паутина, шмель проско-*

⁴⁶ А. И. Федоров, *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Астрель, АСТ, Москва 2008, <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/search?s=извини> (12.01. 2025).

⁴⁷ А. В. Щетинина (ред.), *Толковый словарь русских неологизмов...*, с. 120.

⁴⁸ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/52193/nie-ma-zmiluj> (14.01. 2025).

⁴⁹ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/46384/za-przeproszeniem> (14.01.2025).

чит, муха увязнет, Где закон, там и преступление, (Дуракам) закон не писан, Что мне законы — мне судьи знакомы, крылатая фраза из римского права Закон суров, но это закон, сочетание закон джунглей (англ. *The Law of the Jungle*), происходящее из сборника рассказов Редьярда Киплинга Книга джунглей (*The Jungle Book*). Фразеологические структуры представлены книжным выражением драконовские (драконовы) законы, официальным объявить (кого-либо) вне закона, шутливым сухой закон как запрете употреблять спиртные напитки, просторечным устаревшим словосочетанием вступить в закон / принять закон 'вступить в законный брак'⁵⁰, а также пришедшими из уголовного жаргона выражениями вор в законе, законные бабки, воровской закон. Примечательно, что жанр закон нашел отражение в довольно многочисленном ряде паремий и фразеологизмов русского языка. Как писал Александр Солженицын:

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам всегда было отношение недоверчивое, ироническое: да разве можно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? Ведь все они непохожи друг на друга. Тут — и явная подкупность многих, кто вершит закон⁵¹.

Отдельные польские фраземы сходны по объему своего значения с русскими, например, *prawo džungli (pięści)*, другие применяются чаще в исходной латинской версии — *Dura lex, sed lex (Twarde prawo, ale prawo)*. Наименования жанров юридического и правового дискурса отмечаются также в паремиях и устойчивых конструкциях *Żelazne prawo, a złote litery, prawem kaduka* ('beprawnie; korzystając z luk lub niemocy prawa. W istocie było to solenne prawo, dające władzy to, co było pozbawione prawnych spadkobierców'⁵²), *być głupszym niż ustawa przewiduje*.

⁵⁰ <https://kartaslov.ru/значение-слова/вступить+в+закон+или+принять+закон> (10.01.2025).

⁵¹ Эти слова Александра Солженицына из книги *Россия в обвале* приводятся в статье И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева «За справедливостью пустой». См.: А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*, Языки славянской культуры, Москва 2005, с. 363–364.

⁵² *Słownik języka polskiego PWN*, <https://sjp.pwn.pl/ciekawostki/haslo/prawem-kaduka;5391660.html> (12.01.2025). Ежи Бральчик пишет дальше об этом выражении: „Caducus to tyle, co ‘beIPAński’, lecz także ‘chylący się ku upadkowi’, ‘padający’ — stąd też to także nazwa padaczki, wielkiej niemocy, a dalej i tego, kto

К пространству жанров религиозного дискурса восходят репродукты *петь аллелуйю / осанну, молить Бога, Христом богом молю, вашими молитвами, молитва места не ищет, читать молитву / проповеди*, в том числе устойчивые сравнения *признаваться / говорить / рассказывать о себе как на исповеди, повторять как мантру*, а также ставшие крылатыми слова Городничего из *Ревизора* Николая Гоголя: *Да благославит вас бог, а я не виноват*, которые «употребляется шуточно как отказ от предложения участвовать в чем-либо»⁵³. Из польских приведем такие, как *brać Boga, wznosić modły do Boga, mówić (za panią matkę) pacierz / powtarzać jak za panią matkę pacierz, wygłaszać litanie, siedzieć jak na tureckim kazaniu, powtarzać jak mantrę, (mówić) jak na spowiedzi*. Многие примарно связанные с религией устойчивые сочетания, в которых есть жанровые номинации, выходят за сферу религиозных явлений. Они относятся к оценке действий и умений, к примеру *твердить / повторять как молитву / как «Отче наш», powtarzać / znać / umieć jak pacierz*, а в польском языке относятся также к характеристике человека (*do tańca i do różańca*), выражению категорической уверенности — *(pewne) jak amen w pacierzu* и др.⁵⁴. Как в русском, так и в польском языках чаще всего в устойчивых сочетаниях этой группы наблюдается ссылка на молитвенные и проповеднические тексты, т.е. наиболее распространенные в религиозном кругу. Вместе с тем здесь можно отметить, с одной стороны, указание на искренность высказывания, интенсификацию эмоционального состояния, с другой — на отсутствие собственного мнения, заученные механические действия, т.е. разные аспекты восприятия и преломления в жанровом сознании текстов, относящихся к религиозному канону и элементам духовной практики (*мантра*).

Магические, ритуальные действия в русской фразематике отражаются главным образом в устойчивых сравнениях с наименованиями жанров *проклятие, заклинание и заговор: висит*

---

ją sprowadzał, czyli diabła. I mamy w ten sposób prawo, nad którym diabeł czuwa, czyli bezprawie. Nazwaliśmy je tak ponieważ prawem kaduka”.

⁵³ Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, *Крылатые слова*, Художественная литература, Москва 1987, с. 91.

⁵⁴ А. Pajdzińska, *Studia frazeologiczne*, Oficyna Wydawnicza Leksem, Łask 2006, с. 173–174. В книге Анна Пайдзиньска рассматривает среди прочего польские фразеологизмы, в которых нашли отражение католические мотивы, см. с. 166–174.

как (словно, точно) проклятие, работать как проклятый, повторять как заклинание, как заговорено, как заговоренный и фразеологизме *зубы заговаривать*. В эту группу входят также просторечные восклицания — речевые акты с перлокутивным эффектом, выражающие проклятие, крайнее возмущение: *Будь ты (трижды) проклят!*, а также уверение, клятву по отношению к самому себе — *Будь я (трижды) проклят!* В польском языке во фразеологизмах из этой группы представлены жанры *przekleństwo* и *zaklęcie*: *bluzgać przekleństwami, zaklinać los, zaklinać rzeczywistość, jak zaklęty*.

Особую группу составляют фраземы, в которых задействованы номинации жанров фольклорного и литературно-художественного дискурса. В обоих языках к наиболее активным принадлежат конструкции с лексемами, обозначающими наиболее древние жанры — сказки и песни (например, русск. *сказка про белого бычка, сусальная сказка, бабушкины (бабьи) сказки, ни в сказке сказать, ни пером описать, кормить сказками, травить байки, просто сказка*, польск. *to nie są bajki, to nie jest moja bajka, włożyć między bajki, baju baju, będziesz w raju* ('зврот выражающий невяре́ в то, о czym mowa'), *bajdy-srajdy* ('opowieści bezsensowne'). На жанр песни отмечается ссылка в таких сочетаниях в русском языке, как в частности *старая песня, длинная / долгая песня, тянуть одну и ту же песню, твоя песенка спета, наступить на горло собственной песне, из песни слов не выкинешь*, поэтические *песнь песней, петь дифирамбы, петь гимны, лебединая песнь*, шутовское выражение из ученического жаргона *золотая серенада*, т.е. школьный звонок. Из польских перечислим *z pieśnią na ustach, koniec (część) pieśni* (в значении, характерном для разговорного стиля 'to, o czym była mowa, w określonym momencie się skończyło lub się kończy'⁵⁵), фразы с поэтической окраской *pieśń nad pieśniami, wygłaszać peany, labędzi śpiew*, а также *pieć hymny / peany, pieć z zachwyty, pieć z radości*. Как подчеркивает Ежи Бартминьски, глагол *pieć*, в настоящее время употребляемый по отношению к голосу петуха или кого-то, кто говорит тонким голосом, еще в XVI веке обладал значением 'śpiewać, opiewać', ср. сочетания *pieć pacierz (modlitwy, sławę)*. Иллокуция похвалы и возвышенный стиль приведенных примеров с глаголом

⁵⁵ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/42064/koniec-piesni> (4.01.2025).

piąć отражаются также в их семантике — ‘*przesadnie wyrażać swoją radość, swój zachwyt*’⁵⁶.

Среди наименований литературных жанров во фразематике частотны соотнесения с лексикой театра, например, в русском языке: *драма народа, правовая трагедия, нет никакой трагедии, делать трагедию, ломать (играть, корчить) комедию, кукольная комедия* — в переносном значении ‘лицемерная притворная церемония’, *политический фарс, выкинуть фарс* (‘подшутить’). В польском языке большинство выражений с такими единицами также используется метафорически, к примеру, *odgrywać / grać komedię, robić tragedię, tragedia życiowa, nie ma tragedii, przeżywać dramat, polityczna farsa, odstawić farsę, zamienić się w farsę, uczestniczyć w farsie, gorzej niż farsa*. Из жанров с комическим началом в литературе, театре, эстраде отметим также пародию. Название этого типа текста, соотносимое с переносным значением вызывающего насмешку подобия чего-либо, в обоих рассматриваемых языках фиксируется в устойчивых фразах разговорного характера *это какая-то пародия, to (jest) jakaś parodia* и клишированных конструкциях в публицистической речи: *parodia na demokrację, parodia dramatu politycznego, parodia życia w PRLu*. В польской лингвокультуре в переносном значении употребляется также название жанра *cabaret* ‘*niepoważne zachowanie, nieprzystające do sytuacji*’⁵⁷. В таком плане оно появляется в выражении *To jest (jakiś) cabaret*.

Кроме того, и в русской, и в польской фразематике активны репродукты с наименованиями других игровых жанров — к примеру, шутки и анекдота (польск. *żart, dowcip, kawał*), которые можно трактовать как межстилевые — литературные, фольклорные и разговорные фатические. Смеховая культура как способ видения мира находит широкое и яркое воплощение во фразематике, поэтому в качестве иллюстрации приведем только некоторые сочетания. В русском языке это *сыграть шутку, это тебе не шутки, кроме шуток, шутить изволите, чем черт не шутит, шутка сказать, шутки в сторону, шутки плохи, шутки от (пьяного) мишутки, За такие шутки в зубах бывают промежутки* как саркастическая угроза в ответ на неприятную шутку, *ходячий анекдот, скверный анекдот, анекдот с бо-*

⁵⁶ J. Bartmiński, *Jak opisywać gatunki mowy?*..., с. 23.

⁵⁷ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/7309/kabaret/4616245/sztuka> (10.02.2025).

родой (бородатый анекдот), травить анекдоты. Польские фраземы из этой области представляют *żarty się skończyły, to nie są żarty, żarty żartami, żarty sobie stroisz, cały dowcip polega na czymś, dowcip/kawał z brodą (długobrody dowcip), wujkowe żarty, dowcipu wujka na weselu* и др.

Значимость повествования в человеческой жизни — не только в художественных текстах, но и в повседневной речи также преломляется в ряде фразем. В русском языке к наиболее частотным в этой области принадлежат выражения с названием *история*: *история не складывается, история со счастливым концом, сладкая / сладенькая / вечная история, влипнуть / попасть в историю, сыт по горло твоими историями, Обыкновенная история* (заглавие романа Ивана Гончарова и характеристика шаблонных житейских или психологических ситуаций⁵⁸). В польском языке жанровая номинация *historia*, в частности, во фраземах *historia mrożąca krew w żyłach, niestworzone historie, proste historie, tam dość / tam powyżej uszu twoich historii, A to ci historia! Ładna historia!* дополняется диминутивом *historyjka*, ср.: *sprzedać historijkę*. Наряду с этими названиями польская фразематика располагает выражениями с соотносением к жанру *opowieść*, которое входит в состав таких устойчивых конструкций, как *snuć opowieści, barwne opowieści, opowieść z mchu i paproci* ‘*что-то, что говорящий uważa za nieprawdopodobne lub kłamliwe*’⁵⁹ с негативной окраской. В этом кругу также используется уменьшительная форма названия жанра, к примеру, в репродукте *opowiastka dziadka* ‘*ciąg wydarzeń przedstawionych przez kogoś słowami w krótkiej formie*’⁶⁰. В свою очередь, устойчивое словосочетание *gawęda dziadka* с названием жанра *gawęda* указывает на особенности его реализации — ‘*barwne opowiadanie wygłoszone potoczystym językiem*’⁶¹.

Прецедентный характер приобрели в польской культуре слова из песни Рышарда Рынковского *Życie jest nowelą*, автором которых является Яцек Цыган. К примеру, заглавие статьи о Кшесими-

⁵⁸ Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина, *Крылатые слова...*, с. 245.

⁵⁹ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/103324/opowiesc-z-mchu-i-paproci> (04.01.2025).

⁶⁰ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/112508/opowiastka/5265131/dziadka> (04.01.2025).

⁶¹ *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/47715/gaweda/5191231/dziadka> (04.01.2025).

ре Дембском, авторе музыки к песне, озаглавлена *Życie jest nowelą. Krzesimir Dębski, mistrz muzyki filmowej, od pół wieku na scenie*⁶². Согласно трактовке жизни как новеллы она понимается как жизненный опыт, который укладывается в краткую историю, интересный нарратив. Сериал *Klan* ('Клан'), в котором песня Рынковского является основным музыкальным мотивом, не сходит с экранов телевизоров с 1997 года.

Название одного из поэтических шутильвых жанров, *fraszka*, получившего распространение в польской культурном пространстве, входит во фразему со значением пустякового дела *To dla mnie fraszka*. В русской идиоматике поэтические жанры представлены, в частности, родовым понятием *стих*: *стих находится / нападает* как обозначение особого душевного состояния.

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ОПЕРАТОРЫ С ЖАНРОВЫМИ ОТСЫЛКАМИ

Отдельную группу составляют жанровые операторы, которые отсылают к высказываниям, считающимися широко известными, либо приписывают им такой статус. Анджей Марья Левицки подчеркивает, что в аспекте фразеологии отправителя информации интенционально экспрессивные выражения — образные высказывания, пословицы, цитаты и т.д. — часто сопровождаются показателями тестимониальности, указывающими на источник цитируемой фразы⁶³. К метатекстовым вводам, проецирующим пословицы, поговорки, максимы, в русском языке относятся как (*недаром, не зря, верно*) *говорится в пословице*, как *говорится в старой поговорке*, как *гласит афоризм*, в польском — *jak mówi mądrość ludowa*, *jak mówi polskie przysłowie*, *przysłowio- wy*, *stare ludowe powiedzenie mówi*, *jak głosi znane porzekadło*, *przesądy mówią*, *zgodnie ze starą maksymą*.

Войцех Хлебда считает, что в этот круг можно включить также формулировки с квазижанровыми операторами, „w których treści zawarte są cechy typowości, regularności, zwyczajowości, cecha bycia modnym, służenia jako logo czy hasło rozpoznawcze”⁶⁴. Та-

⁶² Ł. Kamiński, *Życie jest nowelą. Krzesimir Dębski, mistrz muzyki filmowej, od pół wieku na scenie*, „Wyborcza.pl”, 06.01.2023, <https://wyborcza.pl/7,-113768,29317683,kiedys-byl-jednym-najlepszych-skrzypkow-jazzowych-swiata-dzis.html> (05.01.2025).

⁶³ A. M. Lewicki, *Studia z teorii frazeologii...*, с. 31.

⁶⁴ W. Chlebda, *Nieautomatyczne drogi...*, с. 25–26. Примеры предложений почерпнуты из этой же статьи.

кие сигналы можно найти в русских устойчивых сочетаниях как *гласит всем известное правило*, как *гласит лозунг*, *золотое правило*, *девиз по жизни*, *жизненный девиз* и польских — *stara uczniowska zasada*, *złota reguła głosi*, *hasło roku*, *obiegowe hasło*, *powtarzany od pół wieku slogan*, *przesąd mówi*. В текстах они используются среди прочего для оформления высказываний, которые не всегда обладают вневременными и универсальными чертами, например: *Ego разрушает лозунг*, *повторяемый*, как *мантра*: «*Что естественно, то не стыдно*»; *Tajne kancelarie z żelaznymi szafami, pieczęciami na zamkach, pracownikami specjalnego zaufania [...], wszystko to sprawia, że od dawna w urzędach państwowych jest w obiegu szydercze powiedzenie: „przed przeczytaniem spalić”*; *„Choćby cię smażono w smole — nie mów, co się dzieje w szkole” — głosi stara uczniowska zasada*.

В сравнительных конструкциях воплощаются соотнесения с жанрами песенного и народного творчества — песней и анекдотом (в польской среде — *piosenka*, *dowcip/kawał*). В качестве примера приведем здесь выражения как *в песне*, как *в песне поется* (*Искра в ночи*, как *в песне*), *jak w piosence*, *jak w tej piosence* (*Podajmy sobie ręce jak w tej piosence*). Напоминание или цитирование востребованной в определенном контексте фразы из проецируемого текста наблюдается также в случае указания на анекдот: *ты как в том анекдоте*, как *в (том) анекдоте*, как *в (том) старом анекдоте*, *прямо как в анекдоте*; *(to) jak w tym kawale*, *tak jak w tym kawale*, *jak w tym dowcipie*, *trochę jak w tym dowcipie*, *to jest jak w tym starym dowcipie*, к примеру: *Как в том анекдоте, где было про „у нас три дня, чтобы научиться дышать под водой”*; *У меня как в том анекдоте про лося у водооя: пью-пью, а мне все хуже и хуже...*; *To jak w tym kawale o dozorczy w ZOO, któremu uciekły zółwie. „To był mooooment”*; *Kolonie letnie. „Gdy syn wrócił, było jak w tym kawale — tużetu czy robimy nowe?”*. Елена Шмелева и Алексей Шмелев отмечают, что «в России анекдот переходит в разряд прецедентных текстов, которые не находятся в фокусе внимания говорящего, хотя и служат одним из самых распространенных источников появления крылатых слов и паремий»⁶⁵, а рассказывание анекдота уступило место ссылке на него. Такое же явление наблюда-

⁶⁵ Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев, *Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра)*, Жанры речи. Выпуск 4, ГосУНЦ «Колледж», Саратов 2005, с. 298.

ется и в польской лингвокультуре. В связи с этим в диалогической речи метатекстовые вводы *Помнишь анекдот? Pamiętasz ten dowcip?*, предваряющие рассказывание анекдота, в настоящее время не отличаются заметной фреквентивностью. Вместе с тем использование в речевой деятельности только отсылок на анекдоты является существенным прагматическим показателем наличия общего культурного кода у участников коммуникации и принадлежности к категории „своих”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая, отметим, что номинации жанрово-коммуникативных явлений, представленные во фразематике русского и польского языков, отражают разные стороны интенциональности текстов и дискурсивных практик. Рассмотренные нами примеры позволяют прийти к выводу о том, что во фразематике обеих лингвокультур чаще всего наблюдается обращение к таким реализациям коммуникативной деятельности, которые связаны с диалогическими отношениями и повествованием. Вместе с тем во фраземах наблюдается несколько иное распределение номинаций, исходя из частотности употребления (*история, historia, opowieść*) либо стилевой принадлежности (*дискуссия, dyskusja*), что обусловлено разной закрепленностью этих типов текстов в традиции русской и польской культур. Кроме того, во фраземах задействованы номинации жанров, называющие разновидности текстов, характерные для русской речевой системы (*беседа, посул*) и польской (*konwersacja, fraszka, gawęda*).

Корпус фразем, который был выбран для анализа, включает также устаревшие (*завести дискурс*) и новые воспроизводимые единицы (*рукопожатный дискурс, распространять нарратив, водолазка извинений, zmienić narrację w swoim życiu*). Он показывает также стилистические нюансы и семантические сдвиги, отражающие восприятие жанрово-коммуникативных явлений представителями рассматриваемых культур (ироническое звучание фраземы *wdać się w (niepotrzebny) dyskurs*). В материале обнаруживается и сочетаемость названий разных жанров с одной доминантой (*кормить: сказками / рассказами / обещаниями; сыт по горло: твоими (скандальными / романтическими / криминальными) историями / постоянными*

жалобами / этими байками / бесконечными / пустыми) обещаниями; Христом богом прошу / молю / умоляю; *Mam dość/powużęj uszu tych historii / bajek / opowieści*).

Наряду с интенциональным и дискурсивным аспектом жанрово-коммуникативных номинаций в составе фразем интерес представляет также ряд других вопросов. К примеру, наименования каких жанров легли в основу воспроизводимых единиц, отражающих аналогичные стороны человеческой деятельности (например, с одной целевой установкой, ср.: ‘восхвалять’ — *петь дифирамбы, петь гимны, wygłaszać peany, wystawić laurkę, pisać z zachwytu*), какие используются в функции операторов для характеристики разных сторон коммуникативного поведения (к примеру, установка на контакт и совместные действия — *у меня к тебе разговор есть, musimy porozmawiać, предлагать пари, iść o zakład* или на прекращение ситуативных либо дальнейших отношений — *разговор окончен, кончай базар, Будь ты проклят!, koniec rozmowy, nie ma o czym dyskutować*, указание на вопросно-ответную форму как составляющие диалога — *Вопросы есть? — Вопросов нет, Co za pytanie?*), на основании каких вырисовываются черты представителей разных культур (*ходячий анекдот, ходячая энциклопедия, chodząca encyklopedia*). Кроме того, отдельной проблемой является перевод фразем с номинациями жанров и коммуникативных явлений, направляющих ожидания адресатов в определенное русло и обладающих разными стилистическими и прагматическими нюансами (например, *речи толкать — wygłaszać przemówienia, травить анекдоты — opowiadać dowcipy, долгая песня — długo by mówić, с позволения сказать — za przeproszeniem, чем черт не шутит — wszystko się może zdarzyć / wszystko jest możliwe*). В направлении исследования в переводческом аспекте существенным представляется использование параллельных корпусов национальных языков, что может способствовать выявлению тенденций в решениях относительно подбора эквивалентов фразем с наименованиями, связанными с коммуникативным пространством в разных лингвокультурах.

REFERENCES:

- Bartmiński, Jerzy. "Jak opisywać gatunki mowy?" *Język a Kultura*. T. 23. *Akty i gatunki mowy w perspektywie kulturowej*. Burzyńska-Kamieniecka, Anna (ed.). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2012: 13–32.
- Białek, Ewa. *Kolokacja w przekładzie. Słownik rosyjsko-polski*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2011.
- Chlebda, Wojciech. *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.
- Chlebda, Wojciech. "Idiomatykon 4. Gdzie jesteśmy, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy)." *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski. Zeszyt 4*. Chlebda, Wojciech (ed.). Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2009: 9–38.
- Chlebda, Wojciech. "Nieautomatyczne drogi dochodzenia do reproduktów wielowyrazowych." *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrazowych jednostek języka*. Chlebda, Wojciech (ed.). Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole, 2010: 15–35.
- Chlebda, Wojciech, Mokijenko, Walerij, Szuleżkova, Swietłana. *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.
- Czyżewski, Marek. "Dyskurs" (hasło). *Encyklopedia socjologii*. t. Suplement. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2005.
- Dąbrowska, Zuzanna. "Berło trzyma Donald Tusk." *Rzeczpospolita*, 27.10.2022, <dziennikrzeczpospolita/posts/jak-na-ostry-dyskurs-który-toczy-się-publicznie-i-zarzuty-jakie-padają-sytuacja-/8364392450268417/>.
- Derrida, Jacques. "Psyche. Odkrywanie innego." Transl. Markowski, Michał, Paweł. *Postmodernizm. Antologia przekładów*. Nycz, Ryszard (ed.). Kraków: Wydawnictwo Baran i Suszyński, 1997: 81–107.
- Gizbert-Studnicki, Tomasz. "Postępowanie sądowe jako złożony dyskurs — zagadnienia pragmatyki języka sali sądowej," <<https://rjp.pan.pl/konferencje-i-dyskusje-naukowe/1376-postpowanie-sdowe-jako-zoony-dyskurs-zagadnienia-pragmatyki-jzyka-sali-sdowej-prof-tomasz-gizbert-studnicki>>.
- Kamiński, Łukasz. "Życie jest nowelą. Krzesimir Dębski, mistrz muzyki filmowej, od pół wieku na scenie." *Wyborcza.pl*, 06.01.2023, <<https://wyborcza.pl/7,113768,29317683,kiedys-byl-jednym-najlepszych-skrzypkow-jazzowych-swiata-dzis.html>>.
- Kłosińska, Anna, Sobol, Elżbieta, Stankiewicz, Anna. *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2022.
- Kłosińska, Katarzyna. "Dyskusja czy dyskurs?" *Poradnia języka polskiego*, <<https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/Dyskusja-czy-dyskurs;18727.html>>.
- Lewicki, Andrzej, Maria. *Studia z teorii frazeologii*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.
- Małysa, Oksana. *Комиссионные речевые акты. Сопоставительный русско-польский аспект*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego 2014.
- Miejski słownik slangu i mowy potocznej*, <<https://www.miejski.pl/slowo>>.
- Narodowy Korpus Języka Polskiego*, <<https://nkjp.pl/>>.
- Pajdzińska, Anna. *Studia frazeologiczne*. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem 2006.
- Skwarczyńska, Stefania. "Geneza i rozwój rodzajów literackich." *Polska genologia literacka*. Ostaszewska, Danuta, Cudak, Romuald (eds.), Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007: 47–68.

- Słownik języka polskiego PWN*, <<https://sjp.pwn.pl/ciekawostki/haslo/prawem-kaduka;5391660.html>>.
- Stasienko, Anna. *Zjawisko parcelacji we współczesnym języku rosyjskim i polskim*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego 2024.
- Varga, Krzysztof. *Chłopaki nie płaczą*. Warszawa: Lampa i Iskra Boża, 1996.
- Wielki słownik języka polskiego*. Żmigrodzki, Piotr (Ed.), <<https://wsjp.pl/>>.
- Wilkoń, Aleksander. *Spójność i struktura tekstu*. Kraków: Universitas, 2002.
- Zaśko-Zielińska, Monika. *Przez okno świadomości. Gatunki mowy w świadomości użytkowników języka*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.
- Zmarzer Wanda, Lukszyn, Jerzy (eds.). *Polsko-rosyjski tezaurus konstant kulturowych*. Warszawa: Instytut Rusycystyki UW, Katedra Języków Specjalistycznych UW, 2007.
- Акунин, Борис. *Алтын-толобас*. Санкт-Петербург–Москва: Олма-Пресс, 2001, <<https://www.akunin.ru/knigi/fandorin/nikolas/altyn-tolobas/glava9/>>.
- Альджеранов, Харкурт. Анна Павлова. *Десять лет из жизни звезды русского балета*, <<https://readli.net/chitat-online/?b=914340&>>.
- Ашукин, Николай, Ашукина, Мария. *Крылатые слова*. Москва: Художественная литература, 1987.
- Балакай, Анатолий. *Толковый словарь русского речевого этикета*. Москва: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004.
- Балашова, Любовь. “Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты).” *Жанры речи*, 2017, № 1(15): 6–29.
- Баранов, Анатолий, Добровольский, Дмитрий. “Об одном классе фразеологизмов в русском языке (фразеологизмы-конструкции).” *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание*, 2023, № 3: 130–139.
- Бахтин, Михаил. “Проблема речевых жанров.” *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986.
- Вахштайн, Виктор. “Власть нарратива. Как истории о прошлом заставляют видеть настоящее и будущее,” <allenby-19-63302-tel-aviv-israel/sold-out-вахштайнвласть-нарратива-как-истории-о-прошлом-заставляют-видеть-насто/451681037787873/>.
- Величко, Алла. *Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование*. Москва: МАКС Пресс, 2016.
- Горбачева, Елена. “Речевой жанр «пари» / «betting»: дискурсивные и лингвокультурные характеристики.” Дементьев, Вадим (ed.). *Жанры речи*. вып. 6. *Жанр и язык*. Саратов: Издательский центр „Наука,” 2009: 317–329.
- Дементьев, Вадим. *Теория речевых жанров*. Москва: Знак, 2010.
- Карабыков, Антон. “Система социальных перформативов и их роль в культуре и жизни Рима I в. до н.э.” *Вестник Томского государственного университета, Филология*, 2010. № 3(11): 26–40.
- Карта слов и выражений русского языка*, <<https://kartaslov.ru/>>.
- Крышук, Николай. “Выпавшие из контекста.” *Звезда*, 2019, № 3, <<https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/3/vypavshie-iz-konteksta.htm>>.
- Левонтина, Ирина, Шмелев, Алексей. “«За справедливостью пустой».” *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Зализняк, Анна, Левонтина, Ирина, Шмелев, Алексей (ed.). Москва: Языки славянской культуры, 2005: 363–377.

- Лесков, Николай. *Бесстыдник*, 1869, <<https://www.litres.ru/book/nikolay-leskov/besstydnik-175223>>.
- “Магический реализм,” <[https://posmotre.ch/ Магический_реализм](https://posmotre.ch/Магический_реализм)>.
- Мокиенко, Валерий, Никитина, Татьяна. *Большой словарь русских поговорок*. Москва: Олма Медиа Групп, 2007, <<https://dic.academic.ru/dic.nsf/>>.
- Национальный корпус русского языка*, <<https://ruscorpora.ru/>>.
- Апресян, Юрий (ed.). *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Москва. Вена: Языки славянской культуры, Wiener Slawistischer Almanach, 2004.
- Обдалова, Ольга, Левашкина, Зоя. “Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности.” *Язык и культура*, 2019, № 48: 332–348, <<https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-narrativ-kak-fenomen-kultury-i-obekt-diskursivnoy-deyatelnosti/viewer>>.
- Огольцев, Василий. *Словарь устойчивых сравнений русского языка*. Москва: АСТ, Русские словари, Астрель, 2001.
- Радбиль, Тимур. *Основы изучения языкового менталитета*. Москва: «Флинта», «Наука», 2010.
- Словарь русской идиоматики*, <<https://rus-idiomatika-dict.slovaronline.com/search?s>>.
- Словарь синонимов русского языка*, <<https://sinonim.org/t>>.
- Тимофеевский, Александр. *Книжка-подушка*, <<https://litmir.org/books/dokumentalnye-knigi/publicism/page-71-297330-knizhka-podushka-aleksandr-pavlovich-timofeevskii.html>>.
- Толково-фразеологический словарь Михельсона*, <<https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/>>.
- Федоров, Александр. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ, 2008, <<https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/search?s>>.
- Шмелева, Елена, Шмелев, Алексей. “Русский анекдот в двадцать первом веке (трансформации речевого жанра)”. *Жанры речи. Выпуск 4*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005: 292–298.
- Щетинина, Анна (ed.). *Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика: словарь*. Екатеринбург: Ажур, 2024.